

— Алла Ефремовна, вы для меня были арбитром элегантности для кино и книжек. С чего это у вас в жизни возникла политика?

— Не с театральной и кинокритики все начиналось. Я работала в жанре «Письмо зовет в дорогу». Совсем девчонкой побывала в Донбассе. И привезла два печатных листа — все, что видела, то и написала со всей искренностью идиотки. Валентин Катаев, тогда еще редактор журнала «Юность», вызвал меня на ковер, расхвалил и сказал: «Очень хорошо, — потом сделал большую паузу и добавил, — ...для «Нью-Йорк таймс». Всю дальнейшую жизнь я как бы работала для этой заокеанской газеты, но, естественно, печаталась здесь. Для чего требовались дополнительные усилия — сказать все что хочешь, но так, чтобы тебя напечатали. Одно время я трудилась в «Журналисте», и в одночасье всю команду во главе с нашим редактором Егором Яковлевым выгнали за «идеологические ошибки» — «по собственному желанию». Через год друзья помогли мне наконец устроиться на новую работу — это была киностудия им. Горького. Так я попала в кино. Но статьи о кино были лишь поводом говорить то, что я и говорила прежде. И 5 лет работы в «Советском экране» (1973—1978 гг.) были замечательные годы моей жизни. Нам удалось сделать хороший журнал, и это снова была попытка писать честно (для «Нью-Йорк таймс»), но меня опять выгнали по горячему собственному желанию. Новый редактор Даль Орлов спросил меня: «Как вы можете прославлять этого подонка

Алла ГЕРБЕР:

«Эксперт в законе»

Москва, киносообщения - 1993. - № дек. - с. 4.

Отара Носелмани?». На этом все было кончено. С тех пор я больше не работала, но как никогда много писала — статей и книжек, а еще больше ездила от Бюро кинопропаганды с коробками любимых фильмов. Лекции о Тарковском, Кире Муратовой, Высоцком, Галиче... Я пользовалась любой возможностью сказать то, о чем нельзя было написать. Было ли все это политикой? По крайней мере, сама я так не считала. Я не написала в жизни ни одной передовицы. Недавно один аспирант факультета журналистики, пролистав все мои статьи, не нашел ни в одной слова «советский».

Поверив в перестройку, я как-то естественно вошла в общественную жизнь, в которой раньше замечена не была. Так возник «Апрель» и первый антифашистский процесс — дело Осташвили.

В следующие годы была захвачена больше чем журналистикой — правозащитной деятельностью. Я оказалась в Координационном совете «ДемРоссии», стала одним из организаторов российского антифашистского центра... Не знаю, что больше двигало мною — любовь к демократии или ненависть к фашизму, во всяком случае о фашизме я

знала не понаслышке — я повидала его в лицо.

— В чем вы видите свою реальную задачу в Государственной думе?

— Я не член никакой партии, хотя **ВСЕЦЕЛО РАЗДЕЛЯЮ ПРОГРАММУ «ВЫБОРА РОССИИ»**. Баллотироваться в Думу меня практически «вынудили» избиратели, что для меня было большой неожиданностью, но и достаточно почетным предложением. Я согласилась не сразу, но, когда согласилась, поняла, что пойду до конца — теперь я уже не могу обмануть тех, кто в меня поверил.

Дума — не шанс моей биографии. Но сегодня Дума, на мой взгляд, нуждается в таких людях, которые не стремятся к власти, а потому имеет возможность положить все силы на защиту стабильности и порядка. В конце концов, я генетический юрист, мой дядя был известным московским адвокатом. Я окончила юридический факультет МГУ, была приглашена в московскую адвокатуру, но стала много печататься в «МК», и на этом моя практическая юридическая деятельность прервалась. Временно или окончательно? Посмотрим.

Анатолий ЗОЛОТОВ